

Чэнь Исунь, в конце концов, не убил его. Всего лишь содрал кожу — Сюй Сяочжэнь уже привык к такому.

В Восемнадцатом районе травля была нормой. Закон джунглей, слабый подчиняется сильному. А у Сюя — ни отца, ни матери, ни гроша за душой — всё, что ему светило, это дно. Раньше его мог побить кто угодно. С тех пор как появился Чэнь Исунь, остался только один, кто мог его бить — сам Чэнь Исунь. В каком-то извращённом смысле за это стоило бы даже выдать ему благодарственную грамоту.

В классе как раз раздавали контрольные за прошедшую промежуточную аттестацию. Листки, сложенные в самолётики, носились по комнате, как стая сумасшедших воробьёв.

Восемнадцатый сектор — прибежище отбросов империи. Попал сюда — считай, увяз в болоте. Назад дороги нет. Ученики не учатся, учителя не учат, все просто тянут время. Лишь горстка отчаянных ещё надеется на чудо — что знания вытащат их отсюда.

Сюй Сяочжэнь — один из этих немногих.

Прошлый раз он сдал довольно хорошо, но до Чжоу Яня ему было всё ещё как до звезды. Тот мог проспать весь день и всё равно занять первое место по всей школе.

Сюй не стал сразу искать своё имя — сперва взглянул наверх списка, чтобы убедиться: Чжоу Янь всё так же держится на первом. Увидел — и только тогда с облегчением выдохнул.

Правда, и на этот раз у Чжоу Яня — ноль баллов за «социальное поведение и мораль». Он сдал чистый лист.

Сюй Сяочжэнь отчаянно хотел выбраться — пусть не ради себя, ради них двоих. С того самого момента, как решил оставить Чжоу Яня у себя, он ни на минуту не медлил: оформил ему новые документы, устроил в ту же школу, чтобы быть рядом.

Он боялся, что тот из-за амнезии не справится с программой, поэтому жертвовал даже своим временем — тем самым, когда собирал мусор, — чтобы объяснять материал. Чжоу Янь в ответ вёл себя холодно и отстранённо, как будто ему всё это ни к чему. Ни капли усердия, ни грамма амбиций. Сюй даже думал: может, отдать ему свою тележку, пусть хоть как-то сможет выжить потом, на улице.

Однако на первом же общем школьном экзамене Чжоу Янь вырвался вперёд с ошеломляющим результатом. Все предметы — максимум, кроме злосчастного «поведения». Отрыв от Сюй Сяочжэня — целых сто баллов. Школа гудела.

С таким результатом, если бы хоть чуть-чуть набрать по “морали”, он бы стал первым учеником с самого основания школы, кто поступил бы в Имперский университет.

И вот Чжоу Янь — первый. И Сюй Сяочжэнь был счастлив — сильнее, чем если бы победил сам.

Он прижался горячей щекой к табелю.

Теперь он и Чжоу Янь — любовники. Они — вместе.

Даже если он и не поступит в Имперский университет — найдётся другой, не хуже. А там уже можно будет пожениться. Если повезёт — завести ребёнка. Хотя у бета и омег рождаемость невысокая. Впрочем, и без ребёнка не беда — Чжоу Янь наверняка терпеть не может детский визг. Им вдвоём будет и так хорошо.

Главное — чтобы омежья дифференциация не попала в Имперский реестр. Тогда Сюй Сяочжэнь сможет всю жизнь числиться бета. А значит, никто не заставит его вступить в принудительный брак с альфой.

Имперская система — до отвращения несправедливая.

Мир уже давно разделился на шесть гендерных категорий АВО, но и в рамках этих шести — новая градация: на первом уровне — альфы и омеги класса S. Ниже — вплоть до шестого — всё ещё считаются гражданами высшего порядка, хотя с каждым уровнем благ и привилегий всё меньше. Их всего около десяти процентов от населения, но именно они купаются в субсидиях и особом отношении. С ними считаются. Ими восхищаются. Им завидуют.

Высокомерные, утончённые, недоступные — всё это про них. Альфы и омеги с верхних уровней презируют бет.

С седьмого по двенадцатый уровень — граждане среднего класса. Обычно это бета, имеющие более-менее достойную работу или приличное образование. Их ранг зависит от профессии и дохода. Часто они — дети низкоранговых альф или омег, и пользуются остатками привилегий, доставшихся от родителей. Благодаря этому у них больше шансов пробиться к лучшим ресурсам.

Империя строго запрещает браки между бетами и альфами/омегами. Самый надёжный способ родить высококлассного ребёнка — брак между альфой и омегой. Так вероятность родить нового члена элиты возрастает в разы.

А вот с тринадцатого по восемнадцатый уровень — низший класс. Их статус определяется в основном уровнем дохода. Работают они на износ, заменимы, максимум — среднее образование. Между собой они ещё могут передвигаться: с шестнадцатого уровня на

тринадцатый — вполне реально. Но вырваться выше — почти невозможно. Достичь седьмого уровня — мечта несбыточная.

А статья частью высшего класса... об этом даже не мечтают. Их пути не пересекаются. Исключение — разве что низкоранговые слуги в домах верхушки.

Для остальных — они все одинаковые. С тринадцатой ступени или с восемнадцатой — без разницы. Для верхов и середняков это просто «дно». Отбросы. Бедняки. Нищие, от которых за версту несёт нуждой.

Сюй Сяочжэнь и есть восемнадцатый. Ни родителей, ни имущества. Жил в дешёвой муниципальной квартире и учился в самой захудалой школе Восемнадцатого сектора.

Но теперь... если захочет, он может всё изменить. Ему предложат место среди высших. Государство подберёт для него лёгкую, хорошо оплачиваемую работу. Комфортное жильё. И найдёт альфу для официального брака и рождения ребёнка.

Но ведь его любимый — низкоранговый бета. И Сюй не собирался его бросать.

Как бы ни была тяжела жизнь, они справятся. Потихоньку, шаг за шагом, изменят свою судьбу.

Стоило ему лишь подумать о Чжоу Яне, как сердце начинало стучать с бешеной силой. Мир исчезал — оставался только он. Хотелось прижаться, быть рядом, отдать ему всё до последнего. Любовь — почти унижительная в своей безоговорочности. Раньше он тоже любил, но не так. Не до потери лица.

Он закрыл лицо руками — знал, что это ненормально, пытался успокоиться, но не мог. Мечтал увидеть его. Хоть одним глазком. Хотел, чтобы тот поцеловал его. Взял за руку.

Еле дождавшись окончания уроков, Сюй Сяочжэнь заглянул в класс Чжоу Яня — но тот уже ушёл. Пришлось идти в сторону супермаркета.

Население росло, а пахотные земли стремительно истощались. Овощи и фрукты становились роскошью: одна капуста могла стоить восемьдесят кредитов. Среди бедняков зеленью почти не питались — разве что чтобы угодить ребёнку или отпраздновать праздник. Большинство просто принимало комплексные питательные растворы, чтобы держаться на ногах.

Раньше Сюй Сяочжэнь и такие смеси находил только в мусорных баках. Но с тех пор как начал заботиться о Чжоу Яне, жизнь его неожиданно стала... утончённее. Каждый день после школы он обязательно приносил домой хоть что-то вкусное, пусть и редкое. И сегодняшний день — не исключение.

Особенно когда есть повод: хорошие оценки заслуживают праздника.

До появления Чжоу Яня у него были вполне стабильные накопления — хватало примерно на первый семестр университета: и на обучение, и на еду. Но за какие-то три месяца почти всё растратил. Осталось только на учебу. Он переживал, но никак не мог заставить себя урезать расходы на Чжоу Яня.

Купил кочан капусты, пару помидоров и двести грамм говядины. Увидел виноград по скидке — взял немного. Правда, Чжоу Янь не выносил дешёвые продукты, поэтому, выходя из магазина, Сюй Сяочжэнь ловко сорвал со всех упаковок ценники.

В небе вдруг закружились листовки, яркие, с конфетной полиграфией. Он поймал одну.

Не успел прочитать, как кто-то в форме госслужбы грубо оттолкнул его к стене, вырвал листовку и смял в кулак. Затем громко заорал на окружающих:

— Не брать! Не читать! Это листовки преступной организации! Источник разврата и смуты!

Сюй успел краем глаза выхватить несколько слов. «Равенство». «Свобода». Они кричали с бумаги жирным шрифтом.

Он поднялся с земли, отряхнул ладони и спокойно ушёл с улицы, не оглядываясь.

Когда добрался домой, Чжоу Янь уже сидел за столом, уткнувшись в свежую газету. На первой полосе — новости о бывшем маршале Империи: арестован за коррупцию, на его место назначен Гу Чуань.

Сюй подошёл, аккуратно опустил подбородок на плечо Чжоу Яня, всё ещё немного потрясённый:

— Вот уж действительно — беда не приходит одна. Я помню, три месяца назад как раз писали, что единственного сына бывшего маршала убили... Говорили, смерть была особенно жестокой.

Чжоу Янь только передёрнулся. Несколько дней не мог прийти в себя от того, что был вынужден делить постель с таким вот низкосортным существом. Он резко откинул руку Сюя, будто стряхивал что-то грязное, и, не моргнув, свернул газету:

— Давно пора было. Что на ужин?

Сюй тут же, встряхнув рукой, показал покупку:

— Капуста с устричным соусом, говядина с помидорами... и фрукты!

Комната была крошечная — едва хватало места на одну кровать, стол и занавеску, за которой скрывался импровизированный санузел. Готовить приходилось у двери: Сюй Сяочжэнь поставил там плитку и варил всё прямо на улице.

Сюй тщательно вымыл виноград, каждую ягоду аккуратно вытер платочком и поднёс Чжоу Яню с мягкой улыбкой:

— На, сначала фрукты. Еда скоро будет.

Честно говоря, Сюй Сяочжэнь был очень хорош собой: белокожий, чистенький, высокий, с длинными руками и ногами. Глаза — большие, сияющие. Губы — светло-розовые. Живой, открытый характер. Только вот мягкие, светло-каштановые волосы были чуть длинноваты, и тень от чёлки всё время падала на лицо — из-за этого он казался немного замкнутым, даже мрачноватым.

Чжоу Янь взял тарелку. На ней — ровно десять виноградин. Вся сегодняшняя фруктовая покупка. Они были спелыми до приторности, с густым ароматом, чуть хмельным. В точности как запах феромонов Сюя в ту ночь, когда у него началась течка.

Аромат, вызывающий воспоминания. Семь дней. Семь дней тягучей, почти опасной близости.

Когда пальцы Сюя коснулись его руки, он будто расплавился. Как будто всё его тело стало кастрюлей сладкого, кипящего мёда.

Чжоу Янь встретился с ним взглядом — глаза Сюя блестели, полные беззаветного обожания.

На уроках физиологии АО говорили: пожизненная метка необратимо влияет на омегу. Безусловно. Абсолютно.

Он всегда знал, что этот низкосортный мальчишка влюблён в него. Но Сюй Сяочжэнь был упрям, с твёрдым хребтом: никогда не унижался, не стелился, не шёл на уступки только потому, что любит. Напротив — спорил, ругался, не раз нарывался на драку. Он никогда не был таким... покорным.

Чжоу Янь чуть опустил ресницы, пальцами крутанул тарелку — и вдруг та выскользнула, с грохотом разбилась о пол. Виноград расплющился, наполнив комнату сладким, приторным запахом.

Он ухмыльнулся — нагло, с презрением. Взял Сюя за край майки и неторопливо вытер руки. Голос — ленивый, надменный, с ядом:

— Терпеть не могу виноград. Особенно этот — уценённый. Он воняет точно так же, как твои феромоны. Противно до тошноты.

Он издевался. Но при этом внимательно следил за выражением лица Сюя.

Но Сюй Сяочжэнь не закричал, не вспыл, не бросился обвинять его в расточительстве, как делал раньше. Не сжал кулаки. Только на секунду замер, как будто не сразу понял, что произошло. Потом его глаза налились слезами, спина опустилась, и он стал теревать карман брюк — жест неловкий, беспомощный.

Сюй Сяочжэнь растерянно пробормотал что-то под нос. Он и сам не помнил, когда в последний раз Чжоу Янь говорил с ним таким тоном.

С самого начала, Чжоу Янь бесился от всего — от убогой квартиры, от самого факта, что оказался рядом с этим парнем. То пинал дверь, то швырял посуду, крича:

— Уйди с глаз! Смотреть на тебя тошно! Вонючее, грязное ничтожество!

Он даже выкинул его драгоценную банку с редкой пищевой добавкой, которую тот хранил месяцами.

Но Сюй Сяочжэнь был не из мягкотелых. Хоть его и унижали всю жизнь, сломать его было не так просто. Его когда-то избили до перелома ноги, но он выждал момент и раскроил обидчику голову камнем.

Плывать, что Чжоу Янь его оскорбляет. В этом мире каждый считал своим долгом пнуть его, как бездомную собаку. Но портить еду — за такое был бой. Тогда он схватил Чжоу за ворот и вмазал так, что тот, не успев увернуться, получил пару ударов прямо в живот.

После этого они ещё не раз дрались, ругались, но Чжоу Янь понял: Сюй — из тех, кто даже в проигрыше будет драться до конца. С ним надо осторожнее.

И вот теперь — тарелка вдребезги, виноград в грязи, а Сюй... просто молчит. Только губы прикусил, слёзы каплют с подбородка, одна за другой, разбиваясь о пол.

Он медленно опустился на корточки и начал собирать осколки и ягоды. Только через минуту смог заговорить. Голос у него был сдавленный, хриплый, без привычной звонкости:

— Нельзя так со мной...

Это было не столько возражение, сколько тень сопротивления. Призрачный, сдержанный протест.

Впервые Чжоу Янь по-настоящему понял, что значит: «пожизненная метка». Что означает абсолютная власть альфы над омегой. Он влил в него свой феромон — и словно заново

переписал человека. Из независимого, упрямого, злого — в молча терпящего, до боли любящего.

Он не почувствовал ни капли вины.

Если бы он знал, что стоит только метить — и Сюй станет вот таким, он бы сделал это с первого же дня.

Уроки физиологии для бета с Восемнадцатого уровня— пустая формальность. Большинство из них никогда в жизни не встретит ни альфу, ни омегу. Сюй не знал, что будь Чжоу Янь просто бетой — он бы и не уловил, что его феромоны пахнут виноградом.

Сюй молча вышел готовить ужин.

А Чжоу Янь, глядя в мутное окно, видел, как тот на коленях у порога бережно перебирает виноград — всё ещё плачет, но тщательно вычищает из ягод осколки стекла. И ест расплюснутые, грязные ягоды.

<http://bllate.org/book/14462/1279126>